

ФАКТОР ЯЗЫКА В КОЛЛЕКТИВНОМ СИМВОЛИЧЕСКОМ КАПИТАЛЕ ОБЩНОСТИ

В статье автор рассматривает язык с точки зрения его значения в коллективном символическом капитале человеческой общности. Необходимость такого исследования аргументируется тем, что в настоящее время человечество находится в парадигме столкновения цивилизаций, навязанной Западом. Это означает, что оппоненты могут искать слабые точки в обороне и язык представляется одним из направлений злонамеренного воздействия. В выводах указывается на нестабильное положение современной Беларуси с точки зрения языковых угроз коллективному символическому капиталу.

Ключевые слова: коллективный символический капитал; символический капитал; белорусский язык; русский язык; Союзное государство; национальная безопасность; информационная безопасность; гуманитарная безопасность; столкновение цивилизаций; культура.

In the article the author examines language from the point of view of its meaning in the collective symbolic capital of human community. The need for such a study is justified by the fact that humanity is currently in the paradigm of the clash of civilizations imposed by the West. This means that opponents can look for weak points in defense and language seems to be one of the directions of malicious influence. The conclusions point to the unstable situation of modern Belarus in terms of linguistic threats to collective symbolic capital.

Key words: collective symbolic capital; symbolic capital; Belarusian language; Russian language; Union State; national security; information security; humanitarian security; clash of civilizations; culture.

Текущие мировые события у неподготовленного зрителя могут вызвать ощущение полного хаоса, в котором каждый сам за себя и надежды на торжество логики тают каждый день, несмотря на, казалось бы, активные усилия мировых международных организаций и отдельных государств на установление хоть каких-либо правил взаимоуважения.

Но можно ли предположить, что наблюдаемые нами события на самом деле подчинены какой-то стратегии?

Если мы взглянем на Западную геополитическую научную мысль, в поисках ответа на этот вопрос, то на ум может сразу прийти работа американского исследователя Самюэля Хантингтона, изначально изданная в

виде статьи «Столкновение цивилизаций?» в журнале *Foreign Affairs* в 1993 году, а затем в 1996 году расширенная до книги «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка» (англ. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*).

Данный труд стал ответом Самюэля Хантингтона на книгу его ученика Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек», выпущенную в свет в 1992 году.

Фукуяма утверждал, что с падением Советского Союза в результате проигрыша в Холодной войне должна установиться всемирная гегемония Запада с его либеральным миропорядком.

Хантингтон парировал, указывая, что рано говорить о конце истории, так как, по его мнению, человечество просто перешло на другой уровень конфронтации. Если в годы Холодной войны друг другу противостояли как он утверждает идеологические системы, то с её окончанием на сцену вышли целые цивилизации.

У любой цивилизации, представляющей из себя одну из разновидностей общностей, есть определённый набор знаний, который выступает связующим веществом, склеивающим все детали общностной мозаики.

Российский исследователь А. С. Панарин предположил, что этой базой данных общности выступает коллективный символический капитал, являющийся «копилкой общей памяти», в который входят такие элементы как местные обычаи, историческая память и наследие, традиции, образы героев и, безусловно габитусы – бессознательные запрограммированные реакции человека [1, с. 191-192].

Концепцию символического капитала А. С. Панарин взял у французского этнографа и социолога Пьера Бурдьё, формировавшего её в оккупированном французскими же войсками Алжире.

Бурдьё, наблюдая за воздействием элементов французского коллективного символического капитала на представителей кабилльского племени, написал работу «Практический смысл». Там он впервые ввёл понятие «символического капитала», определяя его как «капитал чести и престижа» и предполагая скорее репутацию [2, с. 231].

Отдельно от символического капитала рассматривались учёным габитусы. В них автор видел «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на неё и неременное овладение необходимыми операциями по ее достижению» [2, с. 102].

А. С. Панарин объединил эти элементы концепции Бурдьё и представил их как некую базу данных общности – её ключевые элементы, влияющие на развитие и самосознание.

Классики теории цивилизаций О. Шпенглер и Н. Я. Данилевский в цивилизационных общностях выделяют в качестве системообразующих элементов, формирующих прочное основание для стабильного развития, религию и язык (речь).

Освальд Шпенглер в своём труде «Закат Европы» аккуратно отмечает, что различные культуры (в его теории цивилизация является последней стадией развития культуры) не только говорят на разных языках, но также отличаются мыслительным процессом исходя из языковой принадлежности конкретной общности:

«Феномен других культур говорит на другом языке. Для других людей существуют другие истины» [3, с. 155].

Шпенглер многократно возвращается к фактору языка в развитии народа. В ознаменование важности и неразрывности путей народа и языка он приводит следующий довод:

«Раса может обойтись и без языка, однако уже сама речь – это выражение расы» [4, с. 354].

Неизменность логической связи «язык-народ» ещё до появления работы Освальда Шпенглера, которые мог вдохновиться их исследованиями, видели и представители других научных направлений. В первую очередь, конечно, это касается лингвистов и филологов.

Развитие изучения философии языка началось ещё до рождения указанных выше первых разработчиков теории цивилизации. К числу немецких первопроходцев можно отнести Августа Вильгельма Шлегеля, Иоганна Готфрида фон Гердера, Августа Шлейхера и, конечно, Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт был неординарной личностью родом из дворянской семьи. Помимо происхождения своим успехом в науке он в том числе был обязан окружению, влиявшему на его взгляды (в число его ближайших сподвижников входили И. Гёте и Ф. Шиллер), и разносторонней работой. Жизненный опыт, приобретённый через практическую деятельность, не связанную с наукой, позволила ему подходить к решению исследовательских задач с большей широтой взглядов.

В своих работах на объект он смотрит через призму историко-философского восприятия мира в том числе Шеллинга. Такой подход позволяет Гумбольдту прийти к выводу, что в вопросах изучения языка необходимо исходить из того, что язык неразрывно связан с духом.

В выступлениях перед студентами Гумбольдт отмечает, что различные языки отличаются друг от друга не только символами, которые участвуют в создании слов. Исследователь в процессе работы приходит к выводу, «что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [5, с.370].

Развитие подхода в науке, рассматривающего связь языка с образом мысли приводит к появлению «гипотезы Сепира-Уорфа», разработчиками которой считаются американский антрополог Эдвард Сепир и его студент без степени – Бенджамин Уорф, увлекавшийся изучением индейских языков Северной Америки.

Авторы «гипотезы Сепира-Уорфа» предположили, что структура языка может оказывать решающее значение в мыслительных процессах человека и влиять на его восприятие мира, то есть приводить к иному «мировидению», если вспоминать слова Гумбольдта.

Гипотеза вызвала много споров между её последователями и противниками и распространила своё влияние на различные отрасли науки: философию, антропологию, филологию, психологию и прочие.

Единого мнения нет до сих пор. Однако одно исследование смогло немного перевесить чашу весов в сторону сторонников гипотезы. Речь идёт об опубликованной в журнале «Cognitive Psychology» (2001) научной статье «Формирует ли язык мышление?»: Представления носителей китайского и английского языков о времени», ставшей итогом исследования американского психолингвиста русского происхождения – Валерии Романовны Бородицкой.

В. Р. Бородицкая провела серию тестов с носителями английского и китайского языков с целью выяснить как их восприятие мира, заложенное языковыми навыками, влияет на скорость принятия решений при проведении простых операций. В результате было доказано, что «родной язык человека играет важную роль в формировании привычного мышления» [6].

Представители русскоязычной науки тоже понимают эти особенности мыслительного процесса общностей, формирующихся языком. Одним из исследователей данной проблематики ещё с советских времён является академик Российской академии наук Юрий Дереникович Апресян, которому принадлежат следующие слова:

«Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; при этом выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, которая навязывается в качестве обязательной языковой модели всем носителям языка» [7, с. 350–351].

Как видно из представленного краткого анализа становления мысли о взаимосвязи народа и языка, который формирует его умстрой и восприятие мира, налицо прослеживается всё возрастающая уверенность научного сообщества из различных его сфер в том, что данная связь существует.

Если же мы взглянем на события, последовавшие за распадом СССР и даже ему предшествовавшие, то чётко увидим, что язык является одним из элементов коллективного символического капитала постсоветских государств, на который оказывается давление с целью разрушения общих цивилизационных оснований, ещё оставшихся со времён Союза.

Украинский случай с ограничением прав русскоязычного населения страны уже является хрестоматийным примером.

Беларусь тоже не стала исключением в этом правиле. После коллапса СССР гражданам страны попытались навязать язык, который они не считали родным, но позиция Президента, инициировавшего проведения республиканского референдума по языковому вопросу, смогла спасти государство от кризиса и возможного раскола.

Однако подобные попытки не прекращаются. После провала революционного движения лета-осени 2020 года белорусский язык стал одним из методов протеста и вошёл в коллективный символический капитал новой революционной общности.

Сегодня использование белорусского наряду с переходной формой православного христианства, помещённой в наш символический капитал польской властью, популяризируется в первую очередь в диаспоре, сформи-

ровавшейся из участников беспорядков 2020 года. В Беларуси же использование «мовы» стимулируется в среде симпатизировавших протестным настроениям.

Существуют также программы по возрождению польской идентичности с её символическим капиталом, которые до СВО имели форму регионального политико-экономического взаимодействия, дополняемыми образовательными, культурными и языковыми программами. Это поддерживается скрытыми и открытыми методами «воскрешения» белорусской «латинки» – формы облегченного перехода к польскому, которую жители Минска могут наблюдать каждый день при осуществлении поездки на работу.

Данные действия не носят ярко декларативный характер, но иногда происходят определённые оговорки. Так в июне 2021 года президент Польши Дуда, во время встречи с гражданами Республики Беларусь из новой диаспоры, о которой речь шла выше, заметил, что «мы все граждане одной республики» [8]. Польский лидер определённо понимал под этими словами Речь Посполитую, уже не единожды при помощи разных инструментов включавшую нашу территорию в свой состав.

Мы живём в максимально турбулентное время и для стабильного развития необходим прочный фундамент. Язык, как показывает данное исследование, является одним из краеугольных камней коллективного символического капитала общности, выступающим фактором единства народа и формирующим его идентичность.

СПИСОК ЦИТИРУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Панарин А. С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкн, Н.А. Шматко; Отв. ред. и послесл. Н.А. Шматко/ СПб.: Алетея, 2001. 562 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. 663 с.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
5. Гумбольдт Вильгельм Фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем.: Левина М. И, Гулыга О. А., Михайлова А. В., Старостина С. А., Журиная М. А.; Сост., общ. ред. и вступ. статьи Гулыш А. В., Г. В. Рамишвили Г. В. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
6. Lera Boroditsky. Does Language Shape Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/11856534_Does_Language_Shape_Thought_Mandarin_and_English_Speakers'_Conceptions_of_Time. (дата обращения: 02.11.2023).
7. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. 766 с.
8. Дуда назвал поляков и белорусов гражданами «одной республики» // Газета Известия. URL: <https://iz.ru/1176425/2021-06-09/duda-nazval-poliakov-i-belorusov-grazhdanami-odnoi-respubliki>. (дата обращения: 04.11.2023).